Олеша Попович и Тугарин

Еще були на пиру пьяны-вешелы.
Охто хвастал богачеством,
Охто хвастал молодой женой,
Охто хвастал своей силушкой.
У Тугарина були крылишки гумазные.
Восставал Олешенька Попович,
На резвы ножки ставал Олешенька Попович:
— У Тугарина, говурит, була собачинка жанная-прежанная,
По подлавицам ходила,
Лебедино кость грызла — подавилася.
И, говурит, Тугарину это тоже будёт!
    Вот Тугарин озлился на Олешеньку,
Ласно чемная ночь.
У Олеши була онна слуга верная.
У Тугарина на буйной голове
Кудерцы дубровушкой шумят,
Еще хочет у Олеши пронзить белу грудь.
Нанес на Олешу свой вострый меч
Пронзить белу грудь —
Не допущает слуга до Олешиных белых грудей
И хватает его острый меч.
Еще спроговорел слуга верная:
— Ти, хожяин, ти, хожяин, ти, приласковый,
Али ти Тугарину шутку отшутишь, либо я отшучу?
    Еще спроговорел Олешенька Попович:
— Я сам не хочу и тебе не велю.
Не хочу, говурит, я кровянить столы дубовые
И не хочу сквернить палаточки княгинини.
Еще завтра поутру со собашечкой переведаюсь
На том на поле на куликовом!
    Тугарин темнеет на Олешу как темная ночь,
На буйной голове кудерцы дубровой шумят.
Виходил Олеша, пошел во божью церковь:
— Еще нанеши, мать ти божья, пречистая богородица,
Нанеши завтра поутру тучу грозную

С тема белыми снегами, со белыми,
С дождями со мокрыми,
Стобы промокли у Тугарина крылишки гумазные,
Стоб упал би и упал Тугарин на сиру землю!
Еще поутру съехалися на том поле на куликовом.
Вдруг упала туча грозная
С тема белыми снегами,
Со белыми [!] дождями со мокрыми,
Еще подмокли у Тугарина крылишки гумазные,
Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
За Тугарина ручается тристо богатырёв,
А за Олешу ручается один слуга верная, неизменная,
Да другой дяденько его, Ефимча-то.
Еще спроговорел-от Тугарин Змеевич:
— Если хочешь, я теЬя живком схвачу,
Если хочешь, Олешенька, я тебя дымом задушу,
Если хочешь, Олешенька, то я тебя змеям тебя скормлю!
Он видергивает копье вострое —
Оживаются змеи огненные.
Спроговорел Олешенька Попович:
— Ай ти, говурит, Тугарин ти Змеевич,
Вот, говурит, которы вчера ручалися, тристо богатырёв,
Хочат, говурит, с тебя струбить по плеч голову!
Он, Тугарин, поворачивался назадь —
В ту пору струбил Олеша по плеч голову Тугарину,
Еще пал-упал Тугарин на сиру землю.
Еще Тугаринову голову на востром копье повез,
Тугаринову лошадь в поводу повел.
Вот виходит Аринушка-Маринушка:
— Знать, говурит, доброго молодца Тугарина Змеевича
По поездочке, по походочке:
Олешину голову на востром копье везет,
Олешину лошадь в поводу ведет!
Вот виходит Олешин дяденько, Ефимча-то:
— Врэшь, говурит, Мотя, ошибаешься,
Знать, говурит, по поездочке, походочке
Доброго молодца Олешеньку Поповича:
Тугаринову голову на востром копье везет,
Тугаринову лошадь в поводу ведет!

Опеть виходит Аринушка-Маринушка:
— Знать, говурит, доброго молодца Тугарина Змеевича
По поездочке, по походочке:
Олешину голову на востром копье везет,
Олешину лошадь в поводу ведет!
Вот виходит опеть дяденько Ефимча-то:
— Врэшь, говурит, сука-б..., ошибаешься,
Знать, говурит, по поездочке, походочке
Доброго молодца Олешеньку Поповича:
Тугаринову голову на востром копье везет,
Тугаринову лошадь в поводу ведет!
Приезжает Олешенька Попович,
Тугаринову голову на востром копье привез,
Тугаринову лошадь в поводу привел.
Еще спроговорел дядя-то, Ефимча-то:
— Кабы не була би, говурит, ти моя тетушка [!],
Я би назвал тебя сукой-б...,
Сукой гончиватой да бесхвостой!

(Зап. Н. А. Габышев 11. 04. 1946 г. от Ф. М. Голыжинского в м. Федоровское на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.